

В МИРЕ КНИГ

ТАЛАНТ ДОБРОТЫ

Этим талантом, щедростью души и сердца наделены все герои книги Йокубаса Склютаускаса «Уроки доброты». Ее автор давно известен читателям, как неутомимый исследователь литературных связей Литвы с братскими народами страны, открыватель новых имен людей, которые в разные годы на различных этапах истории соприкоснулись с культурой нашей республики, жизнью ее народа, внесли вклад в развитие и укрепление дружеских контактов.

В новой книге писатель остается верен главной теме своего творчества. Но наряду с произведениями, лежащими в русле его постоянных поисков, в сборник вошли также новеллы и очерки, навеянные впечатлениями от поездок по стране, знакомством с людьми, не бывавшими в Литве, но узнавшими и полюбовавшимися ее по стихам Э. Межелайтиса, романам И. Азижюса, скульптурам Г. Йокубониса, музыке Б. Дваренаса, фильмам В. Жалаквичюса, по станкам и машинам, судам и телевизорам, тканям и мебели с маркой литовских предприятий.

Особенность прозы И. Склютаускаса, на мой взгляд, заключается в том, что он работает как бы на стыке беллетристики и художественной публицистики. Потому его новеллы, привлекающие достоверностью событий и лиц, воспринимаются зачастую как спозиционированные очерки былого, а многие очерки оставляют впечатление ярких рассказов, созданных опытным новеллистом по всем законам этого жанра. Думается, суть здесь в том, что автор, глубоко и скрупулезно изучая исходный материал, отбирая из документов прошлого и настоящего (а основа

всех его произведений документальна) лишь самое необходимое, достигаем в своих лучших работах органического равновесия между фактом, домыслом и вымыслом. Об этом, например, свидетельствует романтическая новелла «Саят-Нова, или Путь без названия», которой открывается сборник.

Автор не стремится добавить какие-либо новые факты к нашему знанию истории жизни великого армянского поэта-ашуга, писавшего стихи на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Но исследуя перипетии его трагической любви к царской дочери, писатель на основе ряда разрозненных свидетельств, дошедших до нас из глубины XVIII века, осмысливая поэзию Саят-Нозы с высоты сегодняшнего дня, показывает, сколь неукротим был этот человек в своей борьбе против социальной несправедливости, в отстаивании свободы личности, какими тесными узами связан он с народом. И Саят-Нова предстает в новелле не в ореоле хрестоматийного глянца, а живым, страдающим, мучающимся солнением, борющимся человеком по высоким порывам своей души.

Начав сборник в романтическом ключе, И. Склютаускас и в других своих новеллах и очерках выдерживает романтическую ноту. Она громко звучит и в «Крылатом всаднике», и в увлекательном рассказе о путешествии по Казак-Кумам, о знакомстве с прекрасным туркменским поэтом Сапармурадом Овезбердыевым, влюбленным в творчество Э. Межелайтиса («Манаше» слово — романтика).

«Что побудило туркменского поэта перевести на родной язык «Человека» Эдуардаса Межелайтиса? Как и когда успел полюбить он творчество литовского поэта? В чем ис-

токи такой любви? Начало начал?». Ставя перед собой такие вопросы, писатель отвечает на них динамичным рассказом о переплетении человеческих судеб, о сплитности воли и устремлений людей, живущих чувством семьи единой, в обществе, где «название книги Межелайтиса давно стало как бы волшебным паролем, отмыкающим человеческие сердца, символизирующим дружбу всех советских народов, во всех уголках нашей великой Родины».

Один за другим входят в повествование замечательные наши соотечественники, творцы многонациональной советской литературы. Поистине поражаешься неумной энергии писателя, который словно бы сделал своим деизмом крылатые слова К. Паустовского: «Странствия — лучшее занятие в мире». Он не только приводит их в своей книге, но и показывает, как именно это «лучшее занятие» переплавляется в действенное творчество. Армянин Ашот Граши и русский Николай Тихонов, эскимос Кивагме и эстонка Айна Калас, грузин Георгий Леонидзе и Антанас Венцлова, киргиз Саякбай Каралаев и Пятрас Цайрка, профессор Б. Смирнов, автор перевода на русский язык древнейшего индийского эпоса «Махабхарата», А. Венцоллис-Жукаускас, Ионас Шчмакус — не перечить имен литераторов, хороших и разных, живущих кипучей жизнью на страницах книги.

Автор не просто фиксирует воспоминания о памятных встречах. Для рассказа почти о каждой из них он находит определенный сюжетный ход помогающий точнее выявить отличительные черты того или иного мастера художественного слова, создает ситуации, в которых напряженность действия сочетается с философскими раздумьями о

судьбах людей («Сентиментальная история», «Волшебное слово», «Антанас Венцлова в Грузии»), а лирические отступления соседствуют с поэтическими обобщениями: («Талант доброты», «Степная иллюзия», «Золотой крестош»).

Обширна и география сборника. Не экзотика дальних краев и заповедных мест влечет к себе путешественника и литератора, а труженики, населяющие их, и, разумеется, прежде всего, — собратья по перу. Потому «Уроки доброты» — путешественник не по городам и весям, а по сердцам людским, по дорогам творчества, по меридианам и параллелям дружбы народов. В этом, думается, главная удача писателя, воспитательное и познавательное значение сборника.

Нельзя без душевного трепета читать, например, «Историю одной книги» — повествование о книге, написанной армянином Хажакем Гюльнарзяном за колючей проволокой гитлеровского лагеря смерти. О судьбе единственного экземпляра ее рукописи, который патриоты спасали, рискуя жизнью, передавая из рук в руки, о том, как автор впервые увидел свое детище через двадцать два года после войны.

Есть в сборнике работы, к которым, может быть, и не полностью применим термин «литературоведческие», но все же они в определенной степени дополняют исследования некоторых литературоведов новыми штрихами. Таков и очерк «Обглоданный куст белой смородины», посвященный оценке творчества Игоря Северянина. Автор раскрывает истоки трагедии, постигшей некогда модного поэта, который в конце своей неудавшейся жизни в эмиграции писал с горечью и болью: «И вот мы остались без родины, и вид наш и жалок и пуст. Как

будто бы белой смородины обглодан раскидистый куст». В своих суждениях о Северяnine, в полемике с некоторыми критиками, не видящими за музыкальностью северянинской поэзии ее воинствующей безыдейности, И. Склютаускас оперирует высказываниями Л. Гиры, воспоминаниями людей, знавших Северянина. Очерк, казалось бы, обращенный в прошлое, звучит очень современно в наши дни, когда каждый художник обязан сделать решительный выбор в борьбе, ведущейся на идеологическом фронте. Без родины нет и не может быть художника. Таков неотровержимый вывод.

Несколько снижают впечатление от этого эссе небрежности в тексте. Не берусь судить, как, например, в оригинале звучит фраза, относящаяся к Северянину, которому предстояло решить, с кем он — с революцией или против нее, но алогизм ее в русском переводе очевиден: он (Северянин) «не нашел в себе сил, чтобы сделать выбор и... эмигрировал в буржуазную Эстонию». Но ведь побег за рубец из революционной России и был трагическим выбором оторванной от народа, растерявшегося поэта. Режет слух и такое предположение: «Но прожить за свое творчество он не мог», созвучное стилистике одесских рассказов И. Бабеля, но неуместное в данном очерке. Очевидно, при переводе и редактуре следует проявлять большую тщательность.

Писателя, пропагандирующего литературу братских народов, наводящего мосты дружбы между ними, можно образно уподобить офицеру связи. Его благородные функции успешно выполняет и заслуженный деятель искусств Литовской ССР, прозаик, драматург, публицист и литературовед Йокубас Склютаускас.

И. АЛЕКСАНДРОВИЧУС.

208